

УДК [811.512.1+811.161.1+811.161.2]’373.611/.232.1

В. Ф. ИБРАГИМОВА**ОСОБЕННОСТИ МНОГОЗНАЧНЫХ ТЮРКСКИХ ОСНОВ,
ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ РУССКИХ
И УКРАИНСКИХ ФАМИЛИЙ**

В статье рассматриваются особенности однозначных и многозначных тюркских антропооснов, используемых при образовании русских и украинских фамилий. Множественность мотивации вызывает трудности при классификации производного антропонима. В связи с этим выделяются два типа основ: 1) освоенные и 2) неосвоенные.

Ключевые слова: антропоним, семантика фамилий, освоенные и неосвоенные тюркские основы, мотивация, однозначность, многозначность.

Имена собственные представляют особую группу, поскольку выполняют функцию называния отдельных лиц и индивидуальных единичностей, отличающих их от других однородных предметов и явлений. Существует три точки зрения на значение имён собственных.

Первая точка зрения, самая распространённая традиционная трактовка этого вопроса восходит к трудам английского философа-логика Дж. Ст. Милля, утверждавшего, что «собственные имена ничего не коннотируют и, строго говоря, не имеют значения» [17, с. 56]. Вслед за ним называют имена собственные «пустыми словами», «ущербными», «асемантическими», знаками-метками, этикетками и т.п. Б. Рассел, А. А. Реформатский, О. С. Ахманова, А. А. Уфимцева и др. Однако эти рассуждения строились на очень ограниченном лексическом материале без учёта неоднородного содержания имён собственных на уровне языка и речи и специфики всех функций этого класса имён.

Вторая точка зрения строится на синхронном подходе к онимам, которые обретают лексическое значение только в речи, в контексте речевого окружения и коммуникативной ситуации. Эту точку зрения обосновывают О. Есперсен, А. В. Суперанская, В. И. Болотов, С. И. Зинин и др. «Логическое определение имени собственного характеризует его как обозначающее индивид в противоположность классу. Филологическое определение подчёркивает случайность имени собственного в противоположность нарицательному или, наоборот, не случайность, а психологическое определение имени собственного заставляет обратить внимание на разницу между психологическим впечатлением, производимым именем, и его логической ценностью» [16, с. 72].

Согласно третьей точке зрения, имена собственные имеют значение и в языке, и в речи, но другого типа, чем имена нарицательные. Такую позицию занимают Л. В. Щерба, Е. Курилович, Ю. А. Карпенко, В. А. Никонов, Л. М. Щетинин и др. В общетеоретическом плане эта точка зрения представляется нам наиболее убедительной, ибо она учитывает, с одной стороны, диалектическую взаимосвязь общего и отдельного, абстрактного и конкретного, социального и индивидуального в семантике онимов на уровне языка и речи, с другой, неоднородность денотативного, сигнификативного и коннотативного содержания в семантике разных тематических разрядов имен собственных. Исследователи настаивают на признании значения у имени собственного, хотя среди сторонников этого подхода имеются определённые расхождения относительно вопроса о наличии у имени собственного понятийного ядра.

Ю. А. Карпенко акцентирует внимание на сущности и функциональном различии имён собственных и имен нарицательных, на языковые особенности. Исследователь полагает, что функциональные различия этих единиц несомненны, но они идут не по линии обобщения-индивидуализации, а по линии обобщения-объединения: «Собственные имена разъединяют однородные объекты, а нарицательные объединяют их» [5, с. 49].

По мнению А. К. Матвеева, во множестве случаев онимы факультативно способны и называть, и обозначать: поскольку у них «есть свое специфическое смысловое / лексическое значение, которое на уровне этой единицы следует назвать ономастическим, или ещё точнее — онимическим значением». Учёный подчёркивает, что «иногда собственные имена уподобляются заимствованиям, но и это неверно в принципе, во-первых, среди заимствований множество полностью освоенных слов, а во-вторых, явно смешивается происхождение собственных имён с их функционированием» [9].

Осознание современных фамилий как знаков без семантики не лишено противоречивости: внутренняя их форма так или иначе ощущается, особенно в тех случаях, где возможны, а потому возникают семантические ассоциации с именами нарицательными, имеющими конкретное значение. Т. П. Садохина отмечает, что «исторически большинство современных фамилий про-

изошло от слов нарицательной лексики, однако становлению фамильных имён сопутствовали семантические наложения этапов его развития. Поэтому этимологически устанавливаемая семантика современных фамилий сложна и они полиэтимологичны» [13, с. 8]. Многие исследователи подчёркивают, что имя — «социальный знак», имея в виду совокупность общественного и культурного развития. Как отмечает Е. С. Кубрякова, в ономастике как области языка, тесно связанной с социальными явлениями, необходимо учитывать взаимодействие языковых и внеязыковых факторов, определяющих, в конечном итоге, жизнь слова и его функционирование в речи [8].

Наблюдения показали, что русские и украинские фамильные онимы тюркского происхождения образуются на базе однозначных и многозначных нарицательных имён. Преобладают фамилии с мотивирующей моносемантической структурой: *ав* 'охота' — *Авджи, Авджиев; буга* 'бык' — *Бугаев, Бугаенко; ана* 'мать' — *Анашкин*. В структуре многозначного слова не все значения (прямые и переносные) являются производящими для фамилий. Так, слово *баш* имеет несколько значений: «голова», «главный», «верх», «крышка» (Э. С. Ганиева, А. М. Меметов). Н. К. Дмитриев отмечает, что слово *баш* имеет общее значение «голова», «начало», «конец». От него образованы фамилии *Башаров, Башкардин, Башлук, Башлий, Башлыенко, Башлаенко, Башлыков, Башта, Забашта*. Исходными для антропообразования послужили два значения этого слова, ср.: *баш-лы* «имеющий голову, головастый» — *башчи* «начальник, главарь, руководитель».

Мотивирующей основой фамилии *Баглановский* служит нарицательное слово *baglan* «дикий гусь». Н. К. Дмитриев, ссылаясь на словарь Л. Будагова, отмечает, что «для татарского языка отмечены формы *baglan* со значением 'дикий гусь'. В современном казахском и каракалпакском языке слово *baglan* имеет значение 'большого роста, толстый, крупный (о гусе, ягнёнке)» [4].

Антропоним *Гайдар*, распространённый в русском и украинском языках, имеет также несколько гипотез происхождения. Согласно словарным материалам И. Глинского, *гайдарами* у тюркских народов когда-то называли военных музыкантов — дударей (от *гайда* — дудка). Между Волгой, Днепром и Днестром это имя пристало к пастухам овец [3]. Ю. А. Федосюк приводит другую версию возникновения онима: «в татарской коннице впереди ехали музыканты; отсюда значение слова *гайда* расширилось: так стали называть всякого всадника, скачущего впереди. Позднее гайдарами стали называть погонщиков скота и пастухов» [19, с. 56].

Вокруг фамилии *Нагаев* также ведутся споры. Ю. А. Федосюк отмечает, что «Ногай — имя правнука Чингисхана, основателя Ногайской Орды, отделившейся в XIV веке от Золотой Орды» [16, с. 138]. Тюрколог Р. В. Радлов связывает происхождение онима с тюркским племенным названием *no'ai* в Крыму и на Кавказе или казахским и татарским словом *ногай* «казанский татарин», «татарин, живущий на востоке России» или «татарин-степняк».

Двойственную семантическую мотивацию имеют антропонимы, образованные на базе основы *башлык* (*Башлыкын, Башлыкын, Башлыченко, Башлычëв, Башлычкoв, Башлык*): 1) Остроконечный капюшон с длинными концами, надеваемый поверх головного убора. Заимствование из турецкого, крымскотатарского, азербайджанского, татарского *baslyk* 'головной убор' [7, с. 158]. 2) Заимствование из турецкого, крымскотатарского, азербайджанского, татарского *baslyk* 'предводитель, начальник' [7, с. 123, 158].

Значительную группу русских и украинских фамилий тюркского происхождения составляют онимы, образованные от существительных, которые соотносятся с личными именами или нарицательными существительными: ср. *Шеремет* — тюркское имя; его нарицательные значения — 1) «имеющий скорый, лёгкий шаг»; 2) «грубый, вспыльчивый, горячий». Поскольку родоначальник дворян Шереметевых — Шеремет — принадлежал к семье Беззубовых, где в моде были «лошадиные» имена (*Кобыла* и т. п.), имя его, скорее всего, было эпитетом, характеризующим качества лошади.

Прозвище Шеремет может иметь несколько вариантов этимологии. Наиболее вероятным является происхождение прозвища *Шереметь* из чувашского *Seremet* «бедняга, бедняжка, горемыка, жалкий, бедный, бедненький, достойный сожаления»; восклицание, выражающее досаду: «чёрт возьми!»; чуваш. *Seremet* является, по-видимому, заимствованием из персидского «стыд» и его производного с разными значениями в нескольких тюркских языках: 1) пристыженный, сконфуженный; 2) скромный, застенчивый; 3) шалун, крикун; 4) дурной, плохой; 5) опозоренный; 6) скандалист, крикун. Не исключена возможность происхождения прозвища от многозначной лексемы *seremet*: 1) имеющий скорый, лёгкий шаг, горячий (о лошади); 2) грубый, вспыльчивый, невежливый (о человеке). *Шереметевы* — знатная российская фамилия, графы и князья. Шереметевы происходят из рода Андрея Кобылы, в XIII веке служившего Александру Невскому. В основе фамилии *Шереметев*, по Н. А. Баскакову [2, с. 82—84], лежит тюркско-булгарское (чувашское) *шеремет* «бедняга» или тюркско-персидское *Шир мухаммад* «благочестивый, храбрый Мухаммад» [18, т. 4, с. 429].

Фамилия *Базаров* образовалась от восточного имени *Базар*, которым обычно называли ребенка, родившегося в праздничный день, что считалось добрым признаком. В переводе с крым-

скотатарского *базар* — «рынок, воскресенье» [7, с. 35]. «Французское слово *bazar* или немецкое *Basar*, заимствованное из персидского языка и распространившееся благодаря популярности сказки «Тысяча и одна ночь», имеет аналогичные значения: 1) Благотворительное мероприятие, распродажа в благотворительных целях. 2) Рынок, ярмарка [18, т. 1, с. 105—106]. «По-бурятски *базар* означает «алмаз». Русские люди по имени *Базар* упоминаются в документах, начиная с конца XV века. В переносном значении *базар* — «крик, шум, гам». Так могли прозвать шумного человека» [2, с. 24].

Кобюк — в крымскотатарском языке *копюк* (б/п) «пена» [7, с. 102, 107]. Вторая мотивация — от прозвища *Кобук*, свойственного жителям села Корбек Алуштинского района Автономной республики Крым (более раннее название села Изобильное) [6, с. 46]. Это имя было характерно и для казанцев; например, князь казанский и тюменский Кобяк — один из последних защитников Казанского края.

Множественной мотивацией характеризуются и некоторые другие фамилии. Например, фамилия *Топчий* образована: 1) от крымскотатарского слова *топчыкъ* — «мячик, пучок» [7, с. 266]; 2) от *топчу* «пушкарь», «артиллерист» [18, т.4, с. 128]; 3) этимология связана с чагатским *topchak* — «красивая лошадь», уйгурским *tobuchak* — «большая лошадь» [14, с. 230, 123]. В словаре М. Фасмера отмечается, что «*Топчак* — название тюркского племени» [18, т. 4, с. 80—81]. Из нескольких значений мотиваторов анализируются лишь те, от которых образовывались антропонимы. К двум или более этимонам можно свести ряд других современных фамилий тюркского происхождения. Например, фамилии *Касапов*, *Касапенко*, *Касапцев* образованы от тюрк. *касап* «мясник»: 1) рубщик мяса; 2) продавец мяса. В русском языке субстантив *мясник* образован от мотивирующего слова *мясо*, в крымскотатарском языке лексема является непроизводной, так как заимствована из арабского языка.

Множественность мотивации вызывает трудности при классификации производного антропонима. Поэтому в качестве основания для выделения групп мы предлагаем рассматривать степень освоенности / неосвоенности тюркизмов в русском и украинском языках. В соответствии с этим выделяются 2 типа тюркских основ: тюркские основы, *освоенные* в русском и украинском языках и *не освоенные* в русском и украинском языках.

1. Алиев Г. Р. Лингвистические и экстралингвистические факторы в антропонимии (на материале тюркских языков: азербайджанского, узбекского, казахского, киргизского, татарского и башкирского) : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.02.06 «Тюркские языки». — Алма-Ата, 1989. — 17 с.
2. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения : [монография] / Н. А. Баскаков. — М.: Наука, 1979. — 279 с.
3. *Власні імена людей* : словник-довідник / [укл. Л. Г. Скрипник, Н. П. Дзятківська]. — 2-е вид., випр. і доп. — К.: Наук. думка, 1996. — 336 с.
4. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков / Н. К. Дмитриев. — М.: Изд-во восточной литературы, 1962. — 608 с.
5. Карпенко Ю. А. Деминутивное антропонимическое словообразование (на материале русских говоров юга Украины) / Ю. А. Карпенко // Собственные имена в системе языка. — Свердловск: Уральский ун-т, 1980. — Вып. 14. — С. 99—110.
6. *Кримськотатарські чоловічі імена та імена по батькові: кримськотатарсько-український правописний словник* / [укл. Є. С. Регушевський та ін.]. Сімферополь, 2005.
7. *Крымскотатарско-русский словарь* / [авт.-сост. Усеинов С.М.]. — Симферополь: Оджакъ, 2005. — 396 с.
8. Кубрякова Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении: [монография] / Елена Самойловна Кубрякова. — М.: Наука, 1978. — 126 с.
9. Матвеев А. К. Субстратная топонимия как объект комплексного регионального исследования / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. — 1989. — № 1. — С. 77—85.
10. Меметов А. М. Фонетическое освоение русских заимствований в крымскотатарском языке / А. М. Меметов // Советская тюркология. — 1988. — № 6. — С. 16—24.
11. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Бертран Рассел. — М.: Терра, 2000. — 464 с.
12. Садохина Т. П. Структура, семантические особенности и орфография современных русских фамилий : автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.02.01 «Русский язык» / Т. П. Садохина. — Л., 1981. — 20 с.
13. *Словарь русско-украинских фамилий тюркского происхождения* / [сост. Ибрагимов В.Ф.]. — Симферополь: ОАО «СГТ», 2009. — 116 с.
14. *Словарь современных русских фамилий* / [сост. Ганжина И.М.]. — М.: Изд-во Астель ; АСТ, 2001. — 672 с.
15. *Суперанская А. В. Общая теория имени собственного: [монография]* / А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1973. — 368 с.
16. Федосюк Ю. А. Что означает ваша фамилия? / Ю. А. Федосюк. — М.: Флинта : Наука, 2006. — 86, [1] с.
17. Шапиро Р. Я. Значение имён собственных / Р. Я. Шапиро // Семантика и структура слова : сборник науч. трудов. — Калинин, 1984. — С. 124—128.
18. *Этимологический словарь русского языка* : в 4-х т. / [сост. М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёв]. — М.: Изд-во Астрель; АСТ, 2004. — Т. 1—4.

V. F. Ibragimova

THE FEATURES OF POLYSEMIOUS TURKISH STEMS USED IN THE FORMATION OF RUSSIAN AND UKRAINIAN SURNAMES

The article looks at the features of monosemous and polysemous Turkish stems used in the formation of Russian and Ukrainian surnames. The multiplicity of motivation causes the classification difficulties of derived anthroponyms. In this regard, there are reclaimed and unreclaimed stems.

Key words: anthroponym, semantics of surnames, reclaimed and unreclaimed Turkish stems, motivation, monosemy, polysemy.

В. Ф. Ібрагімова

ОСОБЛИВОСТІ БАГАТОЗНАЧНИХ ТЮРКСЬКИХ ОСНОВ, ЩО ВИКОРИСТОВУЮТЬСЯ ПРИ ТВОРЕННІ РОСІЙСЬКИХ І УКРАЇНСЬКИХ ПРИЗВИЩ

У статті розглядаються особливості однозначних і багатозначних тюркських антропооснов, від яких утворюються російські й українські прізвища. Множинність мотивації спричинює труднощі при класифікації похідного антропоніма. У зв'язку з цим виділяються два типи основ: 1) освоені та 2) неосвоені.

Ключові слова: антропонім, семантика прізвищ, освоені та неосвоені тюркські основи, мотивація, однозначність, багатозначність.

Стаття надійшла до редакції 5.05.2013 р.

УДК 811.161.23'373.2(477.86+477.74)

Г. В. СЕНИК

ВАРІАНТИ ІМЕН ЯК ОДИН ІЗ ВИДІВ НЕОФІЦІЙНИХ АНТРОПОНІМІВ

У статті аналізуються варіанти імен, які виступають у ролі неофіційних антропонімів мешканців сіл Івано-Франківщини та Одещини. Такого типу оніми розподіляються між групами залежно від мотивів номінації. Виділяються особливі регіональні варіанти, які не зафіксовані у словнику власних імен І. І. Трійняка. Визначаються способи творення відмінних неофіційних назв та з'ясовується специфіка їх вживання у зазначених регіонах.

Ключові слова: регіональна антропонімія, прізвисько, сімейно-родове іменування, вулична назва, варіанти імен.

Протягом кількох десятиліть здійснюється дослідницька робота над збором, опрацюванням та описом регіонального самобутнього антропонімічного матеріалу, що залишається одним з найцікавіших і найбагатших з точки зору семантики, словотвору, стилістики. В даній статті описано результати деяких спостережень сфери неофіційних іменувань людини. Метою нашого дослідження стали варіанти імен, які використовуються в сучасному селі як *прізвиська чи вуличні назви*.

Неофіційні іменування належать до такої категорії онімів, які функціонують тільки в розмовному мовленні і є невичерпним живим джерелом людської творчості, культури. Нині маємо чимало праць, у яких порушуються питання термінологічної усталеності, семантики та способів творення таких антропонімів. Сучасні дослідники продовжують та розвивають ідеї В. Охримовича, В. Ястребова, М. Сумцова, В. Никонова, М. Худаша, П. Чучки. Цьому сприяє і розширення кола проблем, які піднімають нові мовознавчі науки: соціолінгвістика, етнолінгвістика, когнітивна лінгвістика. Вони допомагають розкрити в капсулі прізвиська не тільки інформацію про особу, але й про «особливості певної епохи, що сприяє розширенню культурного портрету нації» [9, с. 1].

У наукових розвідках з даної тематики представлено матеріал різних регіонів України: прізвиська Закарпаття досліджує П. Чучка, народно-побутову антропонімію Бойківщини — Г. Бучко та Д. Бучко, Луганщини — Н. Федотова, Наддніпрянщини — І. Сухомлин, Гуцульщини — М. Лесюк, Б. Близнюк, Покуття — Г. Ліщинська, Західного Полісся — Г. Аркушин, Н. Шульська, Наддністрянщини — Р. Остап, Тернопільщини — О. Вербовацька, Львівщини — М. Наливайко. Крім українських прізвищ, маємо можливість познайомитися і з російськими неофіційними іменуваннями Одещини, які проаналізовано Л. Баранник, Н. Швецовою, та Донеччини — С. Струсь-Проценко, а також з онімами болгарських сіл Запорізької області — А. Міхіна.